

честь. / Это только в забое нашем: / Только лежа — ни встать, ни сесть...»

Впрочем, такой герой нравился далеко не всем. М. Петровский едко, с сарказмом отзывался о лирическом герое поэзии А. По мнению критика, главный персонаж стихов А.— молодой шахтер — выдуман автором, слишком положительный, примерный: «порывает со всеми недостатками: пьет исключительно безалкогольное („хватанули фруктовой воды“), не играет в азартные игры („в комсомольском быту моем сроду игр не бывало азартных“), а если днем на работе разругается с бригадиром, то шутя и ненадолго („Ну, а вечером, возле клуба, увидели в обнимку нас“)...» (Петровский М.— С. 91). Критик, впрочем, игнорирует контекст строк, не улавливает мягкой иронии, с которой поэт рассказывает о своем герое. Например, анекдотичность причины, заставившей прийти в шахту: мальчишке хотелось купить сапоги со скрипом — «прахаря», вот и пошел работать — «В „прахаря“, „прахаря“, „прахаря“ / Упиралась моя философия... / Засосала мои якоря / Незабвенная шахта „София“» (**«Начало биографии»**).

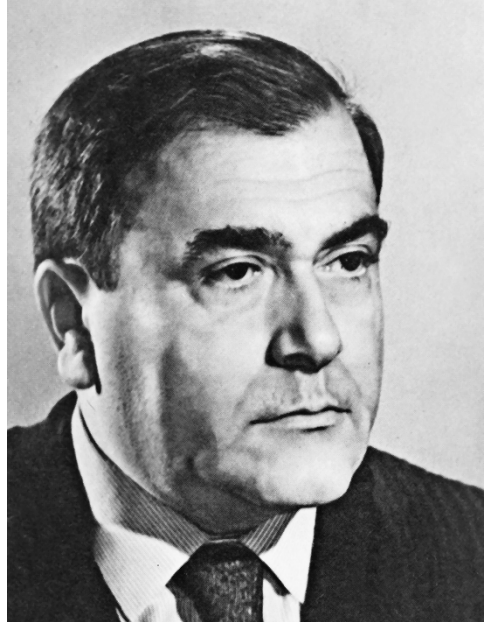
Как отмечал С. Смирнов, в стихах А. «звучали правда, молодая страстность и естественная простота. В них светилась огонек юмора. В них присутствовала разговорная интонация и афористичность — неотъемлемые элементы сочной народной речи...» (Смирнов С.— С. 3).

Не все стихи А. проходили цензуру: поэма **«Нахаловка»**, созданная в начале 1950-х, предлагавшаяся А. во все лит. издания, была опубликована только в 1991. В ней речь идет о забытом богом и начальниками шахтерском поселке, мимо которого «на легковых автомобилях делеги катят в коммунизм». В одном из эпизодов поэмы в качестве декораций для фильма о дореволюционном Донбассе режиссер успешно использует лагуги совр. горняков. По словам А., в основе эпизода лежал действительный факт.

Соч.: Дайте срок... Сталино, 1956; Молчание — не золото. Сталино, 1960; Подарок. М., 1961; Случайная гостья. М., 1964; Избранная лирика. М., 1965; Избранное. Донецк, 1966; Шахтерская лампочка, М., 1977.

Лит.: Мартынов А. Слово о друге // Анциферов Н. Шахтерская лампочка. М., 1977. С. 5–8; Петровский М. Ответственность героя // Юность. 1961. № 12. С. 91–92; Смеляков Я. Молодая поэзия нового времени // Москва. 1962. № 12. С. 219; Смирнов С. От составителя // Анциферов Н. Избранная лирика. М., 1965. С. 3–4; Лазарев В. Солнце и соль // Молодая гвардия. 1966. № 12. С. 292.

Д. В. Коржов

М. Л. Анчаров

АНЧАРОВ Михаил Леонидович [28.3.1923, Москва — 11.7.1990, Москва] — поэт, прозаик, драматург.

В 1941 с 1-го курса Архитектурного ин-та ушел в армию, был десантником, затем в 1944 окончил Ин-т военных переводчиков. Воевал в Маньчжурии, был награжден орденом Красной Звезды, медалями.

После демобилизации в 1947 поступил в Московский худож. ин-т им. Сурикова. Окончив его в 1954, работал художником, переводчиком. Еще в конце 1930-х А. пробовал создавать песни на стихи В. Инбер, Б. Корнилова, А. Грина. После войны он пишет песни на стихи собственного сочинения, достаточно популярные у молодежи второй половины 1950-х — начала 1960-х, например, проникнутый романтической героикой **«Марш парашютистов»**: «А под нами — дивизия „Эдельвейс“ и „Мертвая голова“ <...> И сказал Господь: „Эй, ключари, / Отворите ворота в Сад! / Даю команду: от зари до зари / В Рай пропускать десант“...» Об А., как об одном из первых бардов, хорошо отзывался В. Высоцкий.

В 1950-е А. пишет также и рассказы. Путь в лит-ру оказался достаточно гладким: первое прозаическое произведение — повесть **«Золотой дождь»** — печатается в 1965 в ж. «Москва», в 1966 появляется первая книга — **«Теория невероятности»**, в 1967 А. становится членом СП, в этом же году выходит

отд. книгой пьеса **«Теория невероятности»** (по одноименной повести), в 1969 — повесть **«Этот синий апрель»**, фактически завершающая трилогию. Герои этих повестей — Алеша Аносов, Костя Якушев, Гошка Панфилов — люди поколения самого А., те, кого в 1960-е часто называли «поколением сорокалетних». Детство и отрочество их было овеяно романтикой рассказов о Гражданской войне и событиях в Испании, прямо со школьной или студенческой скамьи они шагнули в огонь Отечественной. Вернувшись с войны, обретя трагический опыт, они никогда уже не будут людьми успокоенными и сытыми; в отличие от многих современников, они напряженно размышляют о жизни, ее законах и смысле, они испытывают к ней живой творческий интерес. Аносов, герой «Теории невероятности» — обычный паренек, выросший на старой московской улице, в 20 лет, тяжелораненный, он плюнул эсэсовцу в лицо, а в 40 способен как мальчишка пролезть через чердак в школу на вечер или отчаянно влюбиться с первого взгляда. «Я думаю с такой натугой... Я, наверно, даже шевелю губами и подвываю», — признается герой. Он приходит к выводу, что жизнь, с ее неожиданными, порой необъяснимыми поворотами, течет, подчиняясь глубоким законам, ускользающим от обыденного взгляда.

В 1968 выходят повести **«Сода-солнце»**, **«Золотая жилка Афродиты»**, **«Поводырь крокодила»**, также образующие своеобразную «фантастическую трилогию». Ее героями становятся те же Аносов, Якушев и Панфилов. Но форма фантастического повествования, пожалуй, предоставляет автору больший простор для осмысления действительности. А. избегает касаться темы современного ему социально-политического неустойчивости, но его герои то смутно, то более отчетливо ощущают какое-то неблагополучие. Отсюда — их постоянные мысли о Золотом веке, который можно и должно возродить на земле. «Там по синим цветам / бродят кони и дети. / Мы поселимся в этом / священном краю. / Там небес чистота. / Там девчонки как ветер, / там качаются в седлах / и старые песни поют», — звучит песня в «Поводыре крокодила». Для них, ученых, поэтов, художников, единственной дорогой к Золотому веку является творчество, которое, подобно рембрандтовскому золотому дождю, оплодотворяет жизнь. Творчество же — это служение истине и красоте. Автор осмысляет известную идеологическую формулу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» таким образом, что величайшая потребность

человека творческого — отдавать людям «по способностям». Но тут возникает проблема востребованности таланта: герои А. хотя и живут в таком мире, где бы «ждали, мечтали, надеялись» на проявление их способностей, но действительность не всегда предоставляет им такую возможность. В повести «Поводырь крокодила», пожалуй, лучшей из трилогии, причудливо переплетаются сон и явь, повествование напоминает притчу с аллегорическими вставками. Герой появляется в городе, где не был много лет. «Городок-то ведь ждет... Я не заметил в городе ни любви, ни голода, но я заметил тоску по необыденному... Может ли она править миром?» — размышляет он. Впрочем, финал повести, когда в городке действительно наступает Золотой век, выглядит несколько надуманно.

В 1960–70-е А. написал несколько сценариев: совместно с В. Аксеновым — к фильму **«Мой младший брат»** (1962), к телефильмам **«Апассионата»** (1963) и **«День за днем»** (1972), а также совместно с Б. Ра-венских пьесу **«Драматическая песня»** (1972).

Наибольшую известность принес А. роман **«Самшитовый лес»**, вышедший в 1979 в «Новом мире» (№ 9 и 10; отд. книгой — 1981). Главный герой, Сапожников — по профессии наладчик — «обслуживает весь белый свет», если что-то где-то «барахлит» по электрической части, по призванию же он — талантливый изобретатель и мыслитель. Человек он не пробивной, не умеет внедрить в жизнь свои открытия, в т. ч. вечный двигатель. Роман сложен по композиции, в нем чередуются эпизоды детства в маленьком патриархальном Калязине с военными воспоминаниями, элементы «производственного романа» — с картинами давнего прошлого — гибели Атлантиды. Постоянные разрывы в действии, смещение эпизодов во времени, прием «романа в романе», которым А. достаточно удачно пользуется, элементы фантастики и гротеска, притчевая многомерность — все это придает роману оригинальность. Присутствует в повествовании и явный элемент игры, условности: в начале и в конце сообщается, что Сапожников покупает петуха, и это символично: «Будит он нас, будит тысячи лет... А мы все не просыпаемся». В то же время критика отмечала, что роман написан неровно, второстепенные герои плохо прорисованы, у них нет характеров — одни функции, и, хотя в их речах звучат удачные афоризмы, точные эпитеты, свежие мысли, герои эти — «не характеры, не личности, а только повод для абстрактных упражнений ума»,

в целом же — книга «сделанная, собранная, сконструированная» и потому «не горячая» (Коробков Л.— С. 5).

В 1980-е у А. выходит еще целый ряд романов и повестей: **«Дорога через хаос»** (1983), **«Прыгай, старик, прыгай!..»**, **«Таинственная история»**, **«Страстной бульвар»** (все — 1983), в 1986 написан роман **«Как птица Гаруда»**, также посвященный вопросам творчества, и наконец, роман, замыкающий трилогию о творчестве, — **«Записки странствующего энтузиаста»** (1988). Роман необычен по форме, это своеобразный сплав дневниковой прозы, эссе и политического памфлета, в нем причудливо переплетаются лирика и сатира, тонкие жизненные наблюдения и философские размышления о сути творчества, о свободе и необходимости, о судьбах мира и ядерном апокалипсисе. Иногда, впрочем, автору изменяет чувство меры и изображение становится плакатным: такова фигура человеконенавистника, западного профессора Ферфлюхтеншвайне. Но к достоинствам романа следует отнести афористичность, живую эмоциональность разговора с читателем, страстность и жизнеутверждающий пафос. Когда в финале величественный старик — то ли Рембрандт, то ли сам Господь Бог, как кажется герою, произносит что-то успокоительное по-староголландски, мы понимаем, что он говорит: «Не унывай!»

Уже после смерти А., в 1992 выходит сб. стихов **«Звук шагов»** в «Библиотеке авторской песни», в нем же напечатана повесть **«Стройность»**, в 1994 переиздается «Самшитовый лес» и несколько повестей.

Соч.: Теория невероятности: роман и повести. М., 1966; Теория невероятности: пьеса в 2 ч. М., 1967; Солда-солнце: Фантастическая трилогия. М., 1968; Этот синий апрель: повесть. М., 1969; Самшитовый лес: роман. М., 1981. Переизд. 1994; Дорога через хаос. М., 1983; Приглашение на праздник: романы и повести. М., 1986. Записки странствующего энтузиаста: роман. М., 1988; Как птица Гаруда: роман. М., 1989; Звук шагов. М., 1992.

Лит.: Медведев Б. Спор о будущем // Искусство кино. 1963. № 9; Томашевский Ю. Теория Алеши Аносова // Москва. 1966. № 1; Чудакова М., Чудаков А. Современная повесть и юмор // Новый мир. 1967. № 7; Маргулис С. Время, память, песня... // Театр. 1978. № 12; Коробков Л. Клумба на опушке // Лит. газ. 1980. 6 февр.; Рекемчук А. Даль свободного романа // Знамя. 1980. № 2; Яхонтов А. Грани характера // Правда. 1980. 27 июня; Ульяшов П. «Электрические люди» или единство без борьбы // Подъем. 1982. № 9.

А. В. Успенская

А. Н. Арбузов

АРБУЗОВ Алексей Николаевич [13(26).5. 1908, Москва — 20.4.1986, Москва] — драматург.

Родился в семье коммерсанта, выходца из дворян. Детские и юношеские годы А. прошли в Петрограде, в обстановке разлада между родителями. Отец ушел из семьи, когда мальчику было 8 лет. Впечатления детства, осложненного семейной драмой, душевной болезнью матери, оставят свой след в творчестве драматурга. «Биография его театральной» (Крымова Н.— С. 10) в полном смысле этого слова. День, когда он увидел в Большом драматическом театре «Разбойников» Шиллера, раз и навсегда решил его судьбу (**Автобиография**. С. 47). Юный А. приобщался к театру последовательно и активно — сначала как статист на оперной сцене, затем как актер и режиссер (после окончания театральной студии П. П. Гайдебурова) и, наконец, как автор театрализованных газет, агитпредставлений и т. п. Секреты театра он познал раньше, чем научился писать пьесы. Первым драматургическим опытом А. была пьеса **«Класс»**, поставленная Красным театром в Ленинграде (1931). Спектакль закончился полным провалом, но это не остановило молодого автора. В начале 1930-х он переехал в Москву, где стал завлитом пролеткультовского Театра малых форм. Появление горьковского «Егора Булычова», по признанию А., побудило его расстаться с агиттеатром и «вернуться к психологии человека и его душе» (Вопр. лит.-ры. 1968. № 3. С. 7).